

1 ГІСТОРЫЯ БЕЛАРУСІ

УДК 94(477.74)''192''

А. М. Бабков

(Гомель, УО «Гомельский государственный университет имени Ф. Скорины»)

СЕБЕЖСКОЕ УЕЗДНОЕ УПРАВЛЕНИЕ ПО ЭВАКУАЦИИ НАСЕЛЕНИЯ В 1920 ГОДУ

В результате отступления Красной Армии на польско-советском фронте в конце 1920 г. в Западной области прекратили свою работу эвакуационные органы Центрэвака РСФСР и приостановилась отправка за границу беженцев и военнопленных Первой мировой и Гражданской войн. Управление Главноуполномоченного по Западной области (Главэвакзап) во главе с Л. И. Розенгаузом временно размещалось в Орше, где продолжало свою деятельность по возобновлению эвакуационной работы на территории Беларуси. В 1920 г. в западных губерниях скопилось более 32 тыс. беженцев. Неурожай в центрально-европейских губерниях России вызвал несанкционированный отъезд беженцев на родину.

Плановая реэвакуация беженцев, военнопленных и других контингентов населения в Прибалтику и Польшу возобновилась во второй половине 1920 г., когда правительство РСФСР в дополнение к мирным договорам с прибалтийскими республиками заключило договоры о реэвакуации беженцев с Латвией от 12 июня 1920 г., с Литвой – от 30 июня 1920 г., соглашение от 19 августа 1920 г. с Эстонией по вопросу беженства.

Согласно договорам стороны согласились «поскорее ликвидировать бедствия мировой войны, дать возможность беженцам обеих сторон, вынужденным покинуть свои домашние очаги, немедленно вернуться в свое отечество, не дожидаясь заключения мира между договаривающимися сторонами». Понятие «беженец» распространилось на лиц, «оставивших места своего постоянного проживания по распоряжению военных или гражданских властей во время мировой войны или во время гражданской войны», а также на пленных мировой войны [1, с. 569–570].

На северо-западном направлении советского государства беженцы и военнопленные возвращались в Прибалтику через Смоленскую,

Псковскую и Витебскую губернию, которая с февраля 1919 г. входила в состав РСФСР. Согласно советско-латвийскому договору от 12 июня 1920 г. «пунктами передачи беженцев на границе установлены станции Розеновская бывшей Виндаво-Рыбинской железной дороги и станция Жогово бывшей Петроградо-Варшавской железной дороги», в дальнейшем допускалась возможность по взаимному согласию сторон изменить пункты пропуска. По договору Россия должна была «доставлять на русско-латвийскую границу не менее двух тысяч беженцев еженедельно». Что касается правил провоза беженцами своего багажа, его общий вес «сверх ручного не должен превышать 8 пудов для главы семьи и одиноких, 5 пудов для каждого члена семьи и 2 пуда для детей моложе 10 лет» [1, с. 570–571]. Был установлен перечень запрещенных к вывозу предметов. Резэвакуацию беженцев следовало «начинать с районов, наиболее для них неблагоприятных в продовольственном и жилищном отношениях» [1, с. 572]. Среди общего потока беженцев в приграничной полосе значительным было перемещение латвийских беженцев. Их численность увеличилась в Западной области летом 1919 г., когда после свержения советской власти в Прибалтике часть населения Латвии вынуждена была переселиться в западные губернии советской страны.

Исключительно важным пропускным пунктом беженцев и военнопленных в Латвию и сопредельную Литву являлся пограничный пункт Себеж, через который они направлялись на станции Розеновская. В Себеж беженцы, пленные и другие контингенты населения следовали со стороны Москвы и Петрограда по железнодорожной линии Ржев – Великие Луки – Новосокольники, а также частично из Витебска, хотя транспортная связь последнего с Себежем была затруднена. Договором был определен порядок «отправки беженцев и их имущества в передаточные пункты эшелонами или отдельными вагонами» [2, л. 156].

Предвидя массовый приток беженцев и пленных к западной границе, в марте 1920 г. управлением Витебского губэвака был командирован заведующий административным отделом в район Новосокольники – Себеж для решения вопроса об устройстве на этом участке пропускного пункта для беженцев и военнопленных. Предпочтение было отдано Себежу, который находился в 3–4 верстах от железнодорожной станции, но располагавший неразрушенными жилыми помещениями, четыре из которых занимал развернутый здесь Наркомздравом изоляционно-пропускной пункт. В связи

с планировавшимся его переездом в Невель, освобождающиеся помещения намечалось передать в распоряжение Себежского уездвака. В городе функционировал заразный госпиталь и больница, которые способны были взять на себя нагрузку по медико-санитарному обслуживанию проходивших контингентов населения. Поскольку бывшие беженские бараки на станции пришли в ветхость и стали непригодными для жилья, намечалось увеличить количество жилых помещений пропускного пункта за счет «освобождения от жителей, находившихся близ станции частных домов» [3, л. 50–51].

Военные и гражданские власти поддержали план открытия пропускного пункта в Себеже. Ревком обещал оказать содействие в переселении жителей из домов, расположенных около станции. Особый отдел дислоцировавшейся здесь дивизии предлагал размещать беженцев в синагогах.

Начальник Себежского эвакуационного управления С. Эпштейн в докладной записке на имя Главноуполномоченного Центрэвака по Западной области Л. И. Розенгауза обратил внимание на возросший приток в конце лета – осенью 1920 г. беженцев и военнопленных в Себеж. Только в августе – сентябре Себежским эваком было направлено за границу свыше 35 тыс. беженцев и военнопленных в РСФСР свыше 6 тыс. беженцев и военнопленных. При недостаточной вместимости беженских барачков, следующие через Себеж эшелоны с беженцами задерживались на минимальное время, необходимое для проверки документов беженцев и осмотра их вещей. «Что же касается беженцев, прибывающих в Себеж без соответствующих разрешений органов Центрэвака, то таковые в Себеже не регистрировались и не принимались на попечение эвака, а отправлялись как прибывшие незаконно в Смоленск и Великие Луки для зачисления там в очередные эшелоны» [3, л. 63].

Питание транзитным беженцам предоставлялось питпоездом, находившимся в распоряжении Себежского эвака. Положение с обеспечением беженцев и военнопленных продовольствием улучшилось осенью 1920 г., когда при эваке был открыт свой питпункт и оборудована столовая. При питпункте работала небольшая хлебопекарня, которая не успевала выпекать хлеб в достаточном количестве. Поэтому эваку приходилось производить выпечку хлеба в частной хлебопекарне. После установления второй печи в своей хлебопекарне значительно увеличилась выпечка хлеба. Две хлебопекарни поставляли эваку ежедневно 50 пудов хлеба.

Пропускная способность питпункта и питпоезда при двух варках составляла 6 тыс. порций в день [4, л. 31].

Эффективной работе по продовольственному обеспечению беженцев и пленных мешала несогласованность в действиях заведующих питпункта и питпоезда. В ходе проверки представителями контролирующих органов работы питпоезда выявились нарушения при раздаче питания, в частности, отсутствовала порционная доска, по которой была бы видна закладка продуктов и количество едоков. На замечание контролера о допущенных злоупотреблениях заведующий питпоездом заявил, что «он сам был государственным контролером, и поэтому его учить не придется». Он отказал контролеру управления эвака «присутствовать при закладке и раздаче пищи», а также ознакомлению с раздаточными ведомостями, мотивируя свое поведение тем, что он сам отвечает за раздачу продуктов [4, л. 32]. На сложившиеся ненормальные отношения между управлением Себежского уездэвака и заведующим питпоездом обратил внимание в своем докладе на имя Главноуполномоченного Главэвакзапа начальник эвака М. Е. Зельдин: «Питпоезд, прикомандированный Центрэваком считает себя неподотчетным Себежэваку, ввиду чего последний лишен возможности контролировать его работу, наём штата работников, производство расходов... производится без ведома Себежэвака. Заносчивая самостоятельность заведующего питпоездом дошла до того, что он отказался допускать в поезд контролера». Поэтому М. Е. Зельдин предложил «для пользы дела подчинить питпоезд Себежэваку, зачислить штат питпоезда на время нахождения его в Себеже на службу при эваке... Заведующий питпоездом, не имея ни малейшего понятия о работе по питанию контингентов, абсолютно не соответствует своему назначению и, передав все дела питания бывшему заведующему товарищу Шерашевскому, занимается политикой, тормозящей работу не только питпоезда, но и Себежэвака» [4, л. 32].

По данным М. Е. Зельдина с 1 апреля по 9 декабря 1920 г. на довольствии Себежэвака состояло 4440 человек. Более масштабную продовольственную помощь проходившим через Себеж контингентам населения оказал действовавший с июня на станции питпоезд Центрэвака. К концу года он выдал 82333 рациона, в т.ч. 1106 человек были удовлетворены продуктами на дорогу на два дня [4, л. 31].

Себежский эвакуационный пункт как приграничный выполнял ответственную задачу по медико-санитарному обслуживанию

беженцев, военнопленных и других категорий населения. Для организации изоляционно-пропускного пункта в Себеж приезжал представитель Петроградского отделения Наркомздрава. После согласования с заведующим медико-санитарным отделом Главэвакзапа доктором Кантором было принято решение об открытии данного пункта вместимостью на 50 коек [3, л. 63]. Петроградским районным отделением Наркомздрава была прикомандирована к эвакуационно-санитарной летучке. В октябре 1920 г. управление эвакуации открыло свой медико-санитарный отдел, который оборудовал в отдельных помещениях амбулаторию и изолятор вместимостью на 30 коек. Эти лечебные учреждения обслуживали врач, 2 лекпома, 7 санитаров, 5 медсестер, сестра-хозяйка и кухарка. Как потом выяснилось, не все из них соответствовали своим профессиональным требованиям [4, л. 30, 31 об.].

Возникли трудности с медицинским инвентарем. В изоляторе не было ванной. Из-за отсутствия прачечной и дезинфекционной камеры не производилась дезинфекция и стирка белья. Начавшееся строительство бани с пропускной способностью на 400 человек было приостановлено [13, л. 30]. Поэтому медико-санитарный отдел не смог развернуть свою работу в полном объеме. Начальник управления Себежэвака вынужден был признать, что за время работы с октября по декабрь 1920 г. медико-санитарным отделом была оказана помощь всего 656 больным, в т. ч. 43 из них прошли стационарное лечение [4, л. 31 об.].

Большое внимание уделялось агитационно-пропагандистской работе среди беженцев, красноармейцев и военнопленных. Начальник Себежского уездэвака М. Е. Зельдин подверг критике «культурно-просветительскую и политическую работу столь необходимую в Себеже, как пограничном пункте, ежедневно встречающем эшелоны с возвращающимися военнопленными, красноармейцами, эмигрантами и беженцами». Он отмечал, что «последние прибыв на первый пункт советской территории не встречают того приема, который им надлежит быть оказан» [4, л. 32]. На обращение Себежэвака в уездный комитет большевистской партии с просьбой содействовать «постановке культурно-просветительской и политической работы путем выделения из своих рядов нескольких партработников, могущих выступать на встрече прибывающих контингентов, последняя, за отсутствием соответствующих работников, категорически отказала». Что касается агитпункта и объединенной комячейки, то они были не в состоянии выполнить эту работу.

М. Е. Зельдин обвинил заведующего агитпунктом товарища Сергеева в том, что он не соответствовал своему назначению и «занимался чем угодно, но лишь не своими прямыми обязанностями». Поэтому он обратился в Главэвакзап с просьбой прикомандировать в агитпункт более ответственного работника, который совместно с Себежэваком смог бы организовать должным образом культурно-просветительную и агитационную работу путем распространения брошюр, газет и литературы, организации театра или кинематографа, вывешиванием плакатов, устройства частных собеседований на политические и научные темы и организации библиотеки при станции Себеж» [4, л. 32].

В целом, по данным начальника Себежского эвака М. Е. Зельдина за период с 1 апреля до 9 декабря 1920 г. через пропускной пункт Себеж проследовало 78438 человек, из них было отправлено в Латвию 55337 беженцев, а вместе с другими контингентами 63496 человек, в Литву – 5032 беженца. Кроме того, на родину направилось 2971 австрийских и германских военнопленных. В то же время через Латвию в Себеж возвратилось домой 14942 человека. Половину из них (7676) составили военнопленные Первой мировой войны и 2038 беженцев. Кроме того, из Латвии и Литвы возвратилось на родину 3081 пленных Гражданской войны, а также реэмигранты и заложники [4, л. 31].

Из отчета Главэвакзапа следует, что в течение 1920 г. через Себеж прошло 60401 латышских беженцев и 5033 литовских беженцев [5, л. 65]. Сравнительно небольшое количество пропущенных через Себеж литовских беженцев объясняется тем, что «после принятия нескольких эшелонов с беженцами-литовцами Латышское правительство прекратило их прием». Только после продолжительных переговоров ответственных работников советских и латвийских эмиграционных служб латвийская сторона согласилась возобновить приём беженцев-литовцев [6, л. 65].

Наиболее интенсивное движение беженцев и других контингентов населения через Себежский пункт наблюдалось с конца лета 1920 г.

После заключения в июне 1920 г. конвенции РСФСР с Германией был возобновлен обмен военнопленными, которые стали более регулярно прибывать небольшими партиями в Себеж, откуда направлялись по месту их постоянного жительства. В октябре – ноябре начали прибывать большие группы интернированных красноармейцев и эмигрантов из Америки.

Таким образом, на северо-западном направлении советского государства основная нагрузка по реэвакуации из РСФСР и Украины беженцев и военнопленных Первой мировой войны в прибалтийские республики легла на приграничный пункт Себеж.

Список использованных источников и литературы

- 1 Документы внешней политики СССР. – М. : Госиздат политич. лит., 1958. – Т. II. – 803 с.
- 2 Национальный архив Республики Беларусь (НАРБ). – Ф. 39. Оп. 1. Д. 447.
- 3 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 39.
- 4 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 445.
- 5 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 155.
- 6 НАРБ. – Ф. 39. Оп. 1. Д. 155.

УДК 94(476) «15/19»

А. Е. Веремейчик

(Минск, Белорусский государственный университет)

ПОЛИТИКА ПРАВИТЕЛЬСТВА РОССИЙСКОЙ ИМПЕРИИ В СФЕРЕ ЧАСТНОГО ЗЕМЕЛЬНОГО ВЛАДЕНИЯ НА ТЕРРИТОРИИ БЕЛАРУСИ В ПЕРВОЙ ПОЛОВИНЕ XIX ВЕКА

Земельные отношения являются одним из стержневых элементов характеристики общества. Эволюция форм собственности на землю стала отражением внутривластного развития на белорусских землях со всеми его противоречиями и проблемами. Однако, в отечественной исторической науке практически отсутствуют комплексные исследования о функционировании частной земельной собственности на территории Беларуси и ее правовой сферы в период Российской империи.

Вхождение белорусских земель в состав Российской империи в результате трех разделов Речи Посполитой в 1772, 1793 и 1795 гг. коренным образом изменило институт владения землей на территории Беларуси.

В период Речи Посполитой в ВКЛ существовали две основные формы владения землей: вотчина (соответствовала понятию